

- Апресян Ю.Д. 1995 – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д. 1996 – Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика и стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. 1996 – Отражение национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги: A. Wierzbicka Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992 // R Ling. 1996. V. XX. № 2–3.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. 1996 – Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // РР. 1996. № 2.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 1994 – Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. I. М., 1994.
- Степанов Ю.С. 1997 – Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Урысон Е.В. 1995 – Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // ВЯ. 1995. № 3.
- Шмелев А.Д. 1998 – Широта русской души // РР. 1998. № 1.
- Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
- Wierzbicka A. 1992 – Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture – specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992.
- Wierzbicka A. 1997 – Understanding cultures through their key words. N.Y.; Oxford, 1997.

Анна А. Зализняк

Йожеф Крекич. Педагогическая грамматика русского глагола: Семантика и прагматика. Szeged, 1997. 215 с.

Такой ракурс лингвистических штудий, как "русский язык глазами зарубежных исследователей", представляется нам весьма актуальным, и, по всей видимости, он останется таковым и в отдаленном будущем и встретит поддержку и понимание как у языковедов широкого профиля, так и у русистов, и, очевидно, у тех, чья профессиональная деятельность связана с преподаванием русского языка – в качестве родного или иностранного.

Новая книга Й. Крекича – значительное и отрадное явление в современной венгерской русистике. Пафос и оригинальность авторского подхода "озвучены" уже в самом заглавии книги: это педагогическая грамматика – молодой пока что жанр научного творчества. Своеобразие его, на наш взгляд, состоит в том, что академическая наука не адаптируется для учебно-методического "сценария", но, сохраняя в неприкосновенности концептуальное ядро исследования и важную для пользователя информацию об основной проблематике в соответствующей научной области, предоставляет ему вместе с тем и широкие возможности ее практического применения.

Эта книга не теоретическое исследование и тем более не учебник в их обычном

понимании. Ее также вряд ли можно отнести к разряду учебных пособий – при том, что практическая нацеленность ее ощущается буквально на каждой странице. Лаконичность, точность, деловитость изложения, терпеливое и старательное разъяснение выдвигаемых положений с привлечением обильного иллюстративного материала обеспечивают относительную простоту и доступность содержания рецензируемой книги, формируют ее, так сказать, "педагогическое начало".

Книгу Й. Крекича можно скорее определить как своего рода справочные материалы по семантике и прагматике русского глагола, предназначенные в первую очередь для иностранцев, изучающих русский язык (венгров). Но, разумеется, она не будет лишней и для наших студентов, ибо в этих материалах отражены наиболее популярные точки зрения ученых и содержатся, как правило, глубокие и интересные авторские комментарии, эксплицирующие его позицию в соответствующих теоретических вопросах. Сверхзадача монографии Й. Крекича не исчерпывается ее справочно-информативным характером. Как указывает во Введении сам автор, она "написана именно для тех, кто интересуется вопросами семанти-

ческой и прагматической структуры русского глагола, но в первую очередь она будет полезна для студентов высших учебных заведений, так как дает возможность не только расширить теоретические знания студентов о русском глаголе, но и приучить их самостоятельно мыслить" (с. 6).

Основное изложение начинается с общей характеристики автором русского глагольного вида – глава "Видо-временная система русского глагола". Главное внимание при этом уделяется значению перфективности. Затем И. Крекич переходит к рассмотрению отдельных аспектуальных значений глаголов СВ – глава вторая "Способы глагольного действия". Продолжая тему аспектуальности, отдельное внимание автор уделяет сопоставлению ФСК аспектуальности в русском и венгерском языках – глава "Аспектуальность в русском и венгерском языках". Конспективность и неожиданно малый объем этого в общем-то важного для студента-венгра, изучающего русский язык (да и для русского, изучающего венгерский), материала (глава занимает 2,5 страницы) обусловлены тем, что автор книги из-за недостатка места не задумывал свой труд в последовательно сопоставительном ключе, что, кстати, оговаривается им во Введении (с. 5). Параллели с венгерским языком поэтому имеют в рецензируемой книге локальный характер и последовательно проводятся лишь при описании автором значений форм прошедшего времени глаголов НСВ и СВ – глава "Употребление форм прошедшего времени в венгерском и русском языках", где "почти все трудные случаи функционирования видов русского глагола сконцентрированы в одном месте" (с. 5).

В данной главе анализ значений форм прош. вр. СВ и НСВ русских глаголов, спроецированных на значения совершенной и несовершенной аспектуальности у венгерских глаголов (поскольку в венгерском языке нет видовой системы, изоморфной имеющейся в русском и в других славянских языках), представляет собой дальнейшую (вслед за Л. Дэже и И. Пете) успешную разработку сопоставления аспектуальных систем русского и венгерского глагола. Автор показывает здесь большую роль контекста в выражении данных значений в венгерском языке (тема-рематическая организация фразы, место фразового ударения, наличие/отсутствие конкретизаторов с темпоральным значением, роль артиклей и др.). Немало внимания в этой связи уделено позиции венгерских глагольных приставок –

находятся ли они на своем обычном месте, перед и рядом с глаголом, или же отделены и стоят после него. В целом в данной главе содержится, как нам представляется, весьма полезный "эксплицитно"-практический материал как для венгров, изучающих русский язык, так и для русских, овладевающих венгерским языком.

Далее И. Крекич переходит к весьма содержательному и обширному анализу значений и употребления глагольных форм настоящего и будущего времени, инфинитива, сослагательного и повелительного наклонений – соотв. главы "Настоящее время", "Будущее время", "Инфинитив", "Сослагательное наклонение", "Императив".

Основное изложение завершается кратким Заключением, где подчеркивается, что в книге предпринят "функционально-системный подход" (с. 185). Последнее оговаривается автором и раньше, во Введении: "наша функционально ориентированная грамматика сконцентрирована в первую очередь на содержании: способствует говорящему в том, чтобы он в самых разнообразных формах мог сформулировать высказываемое, используя притом самые различные средства грамматической и лексической синонимии" (с. 5).

Помещение в фокус исследования содержательно-функциональной стороны языковых явлений – различных русских глагольных форм – является безусловно положительной чертой труда И. Крекича. Вместе с тем в процедуре их научного описания автором можно отметить такой методический курьез, как произвольная (?) подмена основного принципа подачи материала при функционально-семантическом подходе – "от смысла к форме" – противоположным – "от формы к смыслу", что явствует уже из названий глав, посвященных анализу значения и употребления отдельных глагольных форм ("Настоящее время", "Будущее время", "Инфинитив" и др.). Однако это методическое упущение, вероятно, не слишком бросится в глаза пользователю-студенту (а возможно, и преподавателю), на которого в первую очередь рассчитана книга. Зато скрупулезный и четкий лингвистический анализ, отражающий глубокое понимание, "чувствование" автором содержания этих форм, который опирается на многочисленные примеры, иногда с подключением широкого контекста, тщательная аргументация, строгая иерархическая последовательность классификационных рубрик не могут не вызвать у читателя уважения к автору и убежденности в отличной его компетентности в

соответствующих научных вопросах, зрелости и выстроенности его научной концепции.

Говоря о характере подачи фактического материала в целом, можно отметить, что анализ его строится в проекции на аспектуальную систему русского глагола, и в частности на его видовую систему. Семантико-прагматическое содержание модальных и временных форм русских глаголов автор, как правило, связывает с их совершенным или несовершенным видом. Категория вида и видовые значения русских глаголов – это та красная нить, которая проходит через весь материал книги, несмотря на то, что соответствующие теоретические проблемы в ней глубоко не рассматриваются по вполне понятной причине – глобальность их не согласуется ни с объемом, ни с поставленными в ней задачами.

Так, в первой главе "Видо-временная система русского глагола" И. Крекич останавливается, например, лишь на основных лингвистических трактовках понятий "совершенный вид" и "перфективность" – таковых, по его мнению, четыре: достижение правой границы действия (Р. Якобсон, С. Карцевский, В.В. Виноградов и др.); целостность (Э. Кошмидер); суммарность, сомкнутость (Э. Черный, Ю.С. Маслов); точечность (А.М. Пешковский) (с. 8–10). Эти вопросы безразличны и автору данных строк, и потому позволим себе остановиться на них чуть подробнее. Сам И. Крекич конституирующим признаком перфективности считает у русского глагола целостность ("интегральную целостность"), которая в значениях глаголов СВ осуществляется тремя способами: либо 1) наступлением качественного (результативного) предела, либо 2) наступлением количественного предела, либо 3) наступлением временного предела" (с. 15). Указанные разновидности предельного значения связываются автором с тремя компонентами денотативной ситуации, обозначаемой глаголом, – соответственно аспектуальным актантом, действием и временем, из которых вторые два – несубстанциональные, а первый – субстанциональный. Т.е. достижение процессом качественного предела должно проявиться в чувственно воспринимаемом результате. Таким результатом является начало нового состояния, по А. Вежбицкой, на которую ссылается автор (с. 13). (У нас аналогичная точка зрения высказывается, например, Ю.С. Масловым [Маслов 1987: 195].) Но новое состояние должно иметь и своего "носителя", и та-

ковыми, по мнению И. Крекича, выступает аспектуальный актант – субстанциональный элемент аспектуальной ситуации (с. 13). Включая в семантику результативности субстанциональный компонент, И. Крекич опирается на авторитет таких лингвистов, как С. Карцевский, Л. Хадрович, Ф. Кифер и др. Традиционно разграничивая перфективность и результативность, автор приходит к правильному, по нашему мнению, выводу о том, что "результативность – это не грамматическая, а лексико-грамматическая категория, и поэтому ее нельзя отождествлять с общим грамматическим значением СВ" (с. 14–15), поскольку все результативные глаголы перфективны, но не все глаголы с перфективным значением завершенности действия (процесса) являются результативными.

В рамках перфективного значения И. Крекич рассматривает три разновидности способов глагольного действия (глава вторая), а именно, со значением временной предельности, количественной предельности и результативной предельности. Правда, эти три значения предельности, собственно, не относятся И. Крекичем к способам действия, выражающим лишь "частные лексико-семантические значения" (с. 24), а занимают промежуточное положение между последними и категорией Предельность-2, в трактовке которой автор ссылается на А.В. Бондарко (там же). И. Крекич постулирует для Предельности-2 не грамматическое, а "общее лексическое значение" – "достижение предела действия" (там же). Соотношение Предельности-2, способов действия и трех указанных значений предельности И. Крекич соизмеряет с гегелевской триадой "общее – особенное – частное". Предельность-2 возматривает триаду; особенное, или "средний член", – это три значения предельности в рамках глаголов СВ; частное же, как было сказано, – это способы действия. Такое понимание статуса способов действия в системе русского глагола высказывалось И. Крекичем и раньше, например, в [Крекич 1989: 12], и оно отличается от истолкования их в современной русской функциональной грамматике (см., в частности [Шелякин 1987: 66]). Не вдаваясь в критический разбор концептуально-терминологического аппарата представителей русской (ленинградской) школы функциональной грамматики и известного венгерского русиста, чьи научные взгляды, безусловно, заслуживают серьезного внимания исследователей русского глагола, отметим лишь, что введение "метода логической триады" для объяснения языковых

явлений в данном случае могло бы быть более мотивированным и хотя бы в основных чертах эксплицировать преимущественно именно такого подхода.

Концептуализация материала в главах книги, посвященных семантике и прагматике отдельных форм русских глаголов, в целом не вызывает серьезных замечаний. Не совсем убедительным, однако, кажется дихотомическое разведение автором, при описании ситуации (значения) необходимости, значений циркумстанциальной (циркумстанциональной?) и диспозициональной необходимости – как представляется, без опоры на сколько-нибудь строгие формальные критерии (глава "Инфинитив"). Так, для выражения той и другой разновидности значения необходимости подчас рекомендуются одни и те же конструкции, например *надо + Inf: Мужа надо выбирать осматрительно* (циркумстанциальная необходимость) – *Нужно будет его содержать* (диспозициональная необходимость) (с. 112, 115). Вообще в ряде случаев далеко не просто бывает решить, когда (и почему) в модусе необходимости превалирует внутренних – субъективный – фактор, показатель диспозициональной необходимости (с. 114), а когда – внешний, показатель циркумстанциальной необходимости (с. 110). Между тем и другим значением, надо полагать, существует зона переходности с целой гаммой оттенков, в которой они оба взаимодействуют – как, скажем, в таком дискурсе: *Я должен быть в гуще драки, должен проталкивать, советовать, помогать, я не мыслю своей жизни без этой дьявольской кутерьмы*, – который Й. Крекич приводит в качестве примера диспозициональной необходимости (с. 115). На наш взгляд, модальный оператор должен здесь может быть как знаком ситуации вынужденности – разновидности ситуации циркумстанциальной необходимости (с. 113), так и показателем категории оппозитивности, с которой пересекается диспозициональная необходимость (с. 115). Очевидно, в подобных случаях помог бы более широкий контекст, чтобы принять решение в пользу того или другого из указанных значений.

В преамбульной части главы "Императив", касаясь теории речевых актов, Й. Крекич справедливо критикует неразличение иллокуции и перлокуции, которое иной раз встречается у отдельных ученых (с. 137). Сопоставляясь с жанром книги и не ставя своей задачей давать обширное теоретическое обоснование разграничения илло-

куции и перлокуции, Й. Крекич вместе с тем дает понять, что та и другая соотносятся как возможность и данность (результат): «слово "воздействие", как и русский глагол "воздействовать", имеет два видовых значения: одно имперфективное и одно перфективное. Первое относится к способу и степени, второе – к последствию, последствию воздействия» (там же). В другой своей работе, на которую ученый ссылается в рецензируемой нами книге, он разграничивает иллокуцию и перлокуцию как, соответственно, слабый и сильный "члены прагматической оппозиции" [Крекич 1993: 24]. Тогда соотношение иллокуции и перлокуции можно себе представить, например, как "направленность на прагматический эффект – достижение прагматического эффекта"; в этом случае становится понятным терминологическое содержание формулировок "иллокутивное воздействие на адресата" или "внутреннее иллокутивное воздействие на адресата", которыми Й. Крекич широко пользуется (с. 109, 132, 139 и др.), при том, что воздействие на адресата "привычнее" связать с перлокуцией (см., например [Арутюнова 1990: 390]).

Высказываемая затем автором идея о разграничении внутренней и внешней иллокутивной силы "с точки зрения силы намерения" (с. 138) сама по себе заслуживает серьезного отношения. Лингвист правильно подмечает, что при внешней иллокутивной силе "воздействие говорящего проявляется в разной степени энергичности, власти" (там же), т.е. оно обусловлено его социальным статусом, может быть, эмоционально-психологическими свойствами его личности и под.: при внутренней иллокутивной силе "воздействие на говорящего проявляется в различной степени возложения ответственности (внутренней обязанности) на адресата" (там же).

С другой стороны, это разграничение двух видов иллокуции остается у автора книги в значительной мере теоретическим положением и не задействовано в качестве регулярного практического средства с функцией терминологического номинирования при описании речевых актов просьбы, предложения, совета и т.д., в которых используются формы императива.

Переходя к заключительной части рецензии, считаем своим долгом отметить, что монография венгерского ученого написана хорошим русским литературным языком в соответствии с требованиями научного стиля. В этой связи можно высказать лишь отдельные небольшие замечания, например, относительно уместности некоторых ино-

странных терминов и выражений, не совсем привычных для широкого русского лингвистического обихода. Так, автор использует по отношению к участникам речевого акта термин *интерактанты* (с. 149 и др.), хотя *собеседники* были бы понятнее; или *инвольтировать* вместо *вовлекать* (слово встречается много раз); или *эротематический* (с. 125) вместо, например, *риторический* (эротема – риторический вопрос [Ахманова 1969: 528]); или *конгруэнтное поведение* – термин заимствован из психологии, – вместо *нормальное поведение*, а в том контексте, в котором это сочетание встречается, даже *участливое, отзывчивое, сочувственное*.

Единичные стилистические погрешности обуславливаются структурным и смысловым несовершенством речевых конструкций, например: *говорящий {...} идентифицируется с его [адресатом] интересами* (с. 149). Возвратная форма глагола здесь вряд ли уместна, потому что в таком случае возникает контаминация пассивного и собственно-возвратного значений; правильное было бы: *...идентифицирует себя с...* В нескольких местах встречается выражение *питать эмпатию* в значении 'испытывать участие, расположение к адресату речи, входить в его интересы' (с. 109, 148, 149 и др.), созданное автором, очевидно, по аналогии с устойчивым и созвучным сочетанием *питать симпатию*. Однако эмпатия не относится к миру человеческих чувств и эмоций, как симпатия. Эмпатия, согласно, например, Т.М. Николаевой, это "идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение чего-либо с некоторой точки зрения" [Николаева 1990: 592], т.е. это способ организации, оформления сообщения, а не проявления своего эмоционального состояния.

Мелким, но досадным недочетом является и неоднократное немотивированное

цитирование автором одного и того же пассажа из работы А. Хеллер, в котором идет речь о том, что такое воля (с. 74, 84, 119, 148, 147). Ответственность за этот недостаток, попавший в книгу, скорее всего, по недосмотру, нам кажется, все же не лежит целиком на авторе, но ее должен разделить с ним и рецензент, знакомившийся с книгой в рукописи.

В целом же данная книга Й. Крекича представляет собой бесспорный и значительный вклад ее автора в развитие русистики и принесет несомненную пользу как в плане дальнейшей разработки ее теоретических проблем специалистами, так и в плане практического изучения русского языка в обычном учебном режиме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1990 – Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ахманова О.С. 1969 – Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Крекич Й. 1989 – Семантика и прагматика временно-предельных глаголов: Изменение значений. Будапешт, 1989.
- Крекич Й. 1993 – Побудительные перформативные высказывания. Szeged, 1993.
- Маслов Ю.С. 1987 – Перфективность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Николаева Т.М. 1990 – Эмпатия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Шелякин М.А. 1987 – Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

А.А. Виноградов